

IV

Рассказ Мульджи, весьма сокращенный мною, но в его устах переполненный подробностями, довел нас незаметно до обеденного часа, то есть до пяти часов пополудни.

Кругом нас стоял невыносимый зной. День, проведенный нами в Диге, был до того жаркий, что можно было заподозрить *Сурью* в желании испечь живыми всех поклоняющихся ему джатов, а вместе с ними и нас грешных, так часто проклинавших его чересчур горячие ласки...

Палящие лучи обливали, как растопленным золотом, мраморные стены и купола киосков, лежали ослепляющими пятнами на сонных водах прудов, пускали смертоносные стрелы во все живое и мертвое. Они заставили даже кучи попугаев и павлинов, которыми сады Индии изобилуют, как наши русские огороды воробьями, прятаться в самую чашу кустов. Тишина вокруг нас стояла непробудная... Все спало, все млело и горело...

Но мы еще до начала рассказа о мистере Питерсе забрались в центральную беседку из мрамора, высокую и почти спрятанную в самой чаше сада, где, не рискуя выходить из найденного нами благословенного приюта, наслаждались в нем относительно, конечно, прохладой. Окруженная со всех сторон водой небольшого бассейна, – среди которого она возвышается, обширная и затемненная водяными ползучими растениями, – она давала нам приют, где мы не чувствовали в ней ни большего жара, ни утомления. К нам на несколько сажен в окружности манило тенью и прохладой; за чертой зеркального, миниатюрного пруда пылал ад и земля трещала и лопалась от огненных лобзаний страшного весеннего солнца, лучи которого лизали своими пламенными языками все еще роскошную, но уже увядающую растительность сада. Розы сжимались и осыпались; даже лотос и водяная лилия закручивали в трубочку окраины своих толстых, выносливых лепестков, словно брезгливо сторонясь от жгучего прикосновения. Одни орхидеи, «цветы страстей»¹, высоко поднимали свои пестрые, насекомообразные чашечки, упиваясь этим огненным потоком, как другие цветы упиваются прохладною росой...

Что за оригинальный, прелестный сад! Разбитый на голой скале на пространстве каких-нибудь ста двадцати сажен в длину да пятидесяти в ширину², он заключает в себе более двухсот больших и малых водометов и фонтанов. Управляющий, слащавый, похожий на евнуха старик, уверял нас, что «не все водометы пущены»; многие засорились и попортились; но что в день приема в Диге, если не ошибаюсь, принца Уэльского их было шестьсот. Но мы остались вполне довольны и двумястами. За несколько рупий садовники доставили нам возможность чувствовать себя среди восхитительной прохлады целый день и гулять лунною ночью в аллее, обсаженной вместо деревьев двумя сплошными рядами высоко бьющих фонтанов. Ничто не могло сравниться с эффектом этих двух стен водяной пыли, искрящейся в лунном свете бриллиантами и переливающей всеми радужными тенями перламутра. Чудный уголок, а между тем, забытый всеми, не посещаемый никем, кроме случайно проезжих англо-индийских чиновников, всегда готовых пользоваться угощениями туземных принцев, а в благодарность поносить их на всех перекрестках.

---

¹ *Passion flower* называется так потому, что этот род орхидей распускается вполне только в полуденный зной, но вовсе не от того, чтоб его лепестки представляли подобие креста, гвоздей и тернового венца, как многие уверяют. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

Речь идет о страстоцвете или пассифлоре – роде растений семейства страстоцветных, включающих более 500 видов, большая часть которых растет в тропической Америке. В 1610 году изображение цветка пассифлоры попало в руки итальянского историка и религиозного деятеля Джакомо Босио. Босио начал собирать и другие описания и изображения цветка, привозимые мексиканскими иезуитами, и в том же году опубликовал доклад «*Della Trionfante e Gloriosa Croce*», где описал цветок пассифлоры как наглядное воплощение страданий Христа. Три рыльца пестика символизировали гвозди, которыми были прибиты к кресту ступни и руки Христа. Внешняя корона олицетворяла терновый венец, тычинки – пять ран. Семьдесят две венечные нити внутренней короны были приняты за количество шипов тернового венца. Копьевидные листья обозначили копье, пронзившее Христа. Железки, найденные на обратной стороне листа, должны были означать тридцать сребренников, полученных Иудой за предательство. Эти сравнения дали повод к названию растения *Passiflora*, от латинского «*passio*» – страдание и «*flos*» – цветок, то есть страстоцвет.

² 255–106 м.

Махараджа Бэртпурский сам и не заглядывает в Диг. Джатский потентат, питомец правительства, предпочитает шипенье шампанского журчанию всех фонтанов своего прелестного дворца, и нет для него мелодии слаще звука откупориваемой бутылки коньяку...

Таким образом, вековой тенистый сад гложет в своей дикой красоте, брошенный людьми, но зато предоставленный в полное распоряжение целой армии великолепных, хотя тоже одичалых пав. Любимая птица Юноны³ (которая в Индии зовется *Сарасвати*) наполняет сотнями дорожки, важно прогуливаясь и заметая длинными хвостами накопившийся годами сор. Она унижает сверху донизу деревья, и благодаря ее присутствию, старый сад часто издали принимает вид заколдованной рощи в волшебной сказке: залитые ярким солнечным светом, косматые деревья словно дышат, шевелясь и волнуясь, и из-за их густой листвы выглядят, отливая сафирами⁴ и золотом, тысячи сверкающих, любопытных глаз... То глазки, рассеянные по хвостам движущихся в ветвях павлинов.

Выйдя на террасу в сад, я долго не могла отдать себе отчета в этой странной фантазмагории и спустилась по ступеням вниз, чтобы ближе рассмотреть чудное явление. Мое любопытство было тотчас же наказано «оскорблением действием». Тяжелый полет сорвавшегося с дерева и испуганного моим внезапным появлением павлина прервал мои размышления о чудесах Индии, сбив у меня с головы топи, а самое меня – с ног. Я утешилась эксплорацией⁵ сада, а бабú отомстил за мое падение, вырвав из хвоста другого, ни в чем неповинного павлина полдюжины перьев «на память о Диге!».

Сад перерезан по всем направлениям узкими дорожками, которые чистятся и освобождаются от накапливающегося на них навоза только пред приездом «именитых гостей», как объяснил нам садовник; из чего с отличающею нас прозорливостью мы заключили, что не принадлежим к этой счастливой категории. Во всех углах, и даже во глубине сада, мирно дремлют в своих мраморных гнездах неподвижные воды под покрывалом густой тины. Бассейны фонтанов, пруды и миниатюрные озера превратились в зеленую кашу, и только воды ближайших ко дворцу прудов очищены и много способствуют общей красоте этого уголка. Невзирая на очевидное запущение, особенно красив восьмиугольный бассейн посередине сада с прохладным, приютившим нас от жара киоском. Окруженные меньшими бассейнами с высокими водометами, вылетающими из корзин роскошных тропических цветов, мы блаженствовали в продолжение целого дня, сидя в нем, словно в подводном царстве. К пруду ведут четыре перерезающие его накрест аллеи водометов, а к киоску – четыре мраморные, ажурные мостика...

Утомленные разговором, мы теперь сидели в молчании; каждый из нас предавался собственным думам и занятиям. Я читала, подумывая более о Такуре, нежели о содержании книги; полковник дремал. Сидя на скамейке у стены и закинув назад голову в чашу ползучей зелени, из-за которой торчала его длинная, седая борода, наш уважаемый глава, полковник О***, слегка похрапывал. Нараян и Мульджи сидели на корточках на полу, а бабú поместился наподобие кариатиды на пьедестале какого-то сломанного и отсутствующего идола и тоже дремал.

Так мы сидели, не двигаясь, сонные и молчаливые, довольно долго. Наконец, часам к 5½ дремлющий сад стал постепенно просыпаться; жара остывала, павлины вылезали из своих углов, стаи зелено-золотистых попугаев перекликались с верхушек дерев... Еще несколько минут – и солнце исчезнет за чертой соленых озер; истомленная за день природа отдохнет до следующего утра, остынет до нового огненного искуса.

Я бросила книгу и стала наблюдать, как все вокруг нас начинало дышать и двигаться. Сад превращался из печи Даниловой⁶ в рощу классической идиллии: недоставало в нем только игривых, плещущихся нимф да веселой свирели Пана. Прозрачная влага пруда отражала теперь

---

³ Юнона – древнеримская богиня брака и рождения, семьи и семейных постановлений, материнства, женщин и женской производительной силы.

⁴ сафирами (*устар.*).

⁵ исследованием (*англ. exploration*).

⁶ Речь идет о трех отроках в печи огненной (VI в. до н.э.), персонажах Книги пророка Даниила (Дан. 1:7), иудейских юношах в Вавилонском пленении. Эти друзья пророка Даниила были брошены в огненную печь по приказу царя Навуходоносора за отказ поклониться идолу, но были сохранены архангелом Михаилом и вышли оттуда невредимыми.

только синее небо да на ночь садившихся по вырезным перилам мостика тщеславных павлинов. Приготовляясь ко сну грядущему, они играли хвостами, как испанки веером: распуская и снова закрывая их и снова любуясь их отражением в воде... Наконец, брызнув последними золотыми искрами, солнце исчезло и на нас потянул легкий ветерок. В беседке было так хорошо, так прохладно, что мы решительно отказались идти обедать в душные залы дворца и решили потребовать *кхану* (обед) в беседку, отправив для этого послом бабú.

Неугомонный бенгалец под предлогом боязни мщения общипанного им павлина, которого он узнал, по его уверению, в одном из сидящих на перилах, вместо дороги по мостику выбрал кратчайший путь, стремительно нырнув с пьедестала, где восседал, прямо в пруд. Неожиданный всплеск воды перепугал, разбудив дремавшего полковника, который тотчас же заботливо осведомился, нет ли для бабú опасности утонуть?..

– Лучше утонуть, нежели рисковать мщением *оборотня!* – прокричал, захлебываясь водой и фыркая, насмешливый скептик.

– Какого оборотня? – полюбопытствовал наш президент, успокоенный тем, что вода доходила бабú еле до груди.

– Да проклятого павлина! Ведь это тот самый оборотень, что слетел к нам вчера вечером в Бэртпуре на веранду! – горланил бенгалец, с усилием ступая по вязкому дну пруда. – Я же сам видел, как он подмигнул Мульджи на меня.

– Это он все в мой огород кидает камушками, – заметил, хмурясь, «генерал». – Разве этот *настика* когда-нибудь во что верил? Он вечно смеется надо всем и всеми...

– Ну, теперь можете посмеяться и вы над ним... Взгляните только на эту фигуру! – сказала я, расхохотавшись.

Действительно, бабú представлял прелюбопытное зрелище. Он насилу вылез из тины и, вскарабкавшись на высокий парапет пруда, оставлял за собою на белом мраморе целые потоки зеленоватой грязи. Покрытый болотными травами и тиной, он утратил всякое человеческое подобие.

– Вы походите на утопленника, мой бедный бабú, – засмеялась я ему. – Ну можно ли чувствовать такое влечение к воде! Ведь это сегодня вы уже во второй раз. Смотрите, не сделайте после смерти водяным *пизачей*, да и не утоните когда-нибудь...

– «Чем был, то есмь и тем буду», – получила я в ответ цитату из афоризмов его всеотрицающей секты. – «Прах есмь и прахом буду», а утонуть, говорят, самая приятная и легкая смерть, *мам-сааб*...

– Что ты *есть*, все видят; чем *будешь*, не ведаю; а вот что ты непременно был в предшедшем своем существовании ньюфаундлен[д]ским щенком, так это верно, – отомстил ему Мульджи.

Но бабú не слышал сделанного сквозь зубы на его счет замечания. Немного сконфуженный своею наружностью, он бросился бежать опрометью к дому.

Владей я, как то воображал Нараян, даром предвидения, я бы скорее проглотила свой язык прежде, нежели решила бы на сделанное мною последнее замечание. Бедный, веселый, беззаботный мальчик!.. Думал ли он тогда, что его ожидает ранняя и столь мучительная смерть в мутно-желтых волнах Гангеса?.. До самого сего дня я не могу равнодушно вспомнить о бедном бабú и о веселых, проведенных нами вместе неделях путешествия, хотя уже прошло пять лет с тех пор и почти два года со дня рокового происшествия. Как часто, слишком часто, грезится мне с того времени в тревожном сне эта полуребяческая, худенькая фигурка, вся покрытая черно-зеленою тиной дигского пруда! Мнится мне тогда, будто ее когда-то блестящие, полные добродушного веселья глаза, теперь стеклянные и потухшие, глядят на меня в упор; и я слышу снова ясно, как наяву, знакомый, смеющийся голос на мое бессознательное пророческое предостережение: «Не утоните когда-нибудь» – таким же пророческим ответом: «*Чем был, то есмь... Прах есмь, прахом буду*», и я просыпаюсь с дрожью ужаса при воспоминании⁷!..

---

⁷ Бедный малый утонул в 1883 году самым ужасным и вместе глупым образом. Между Дерадуном и Хардваром Ганг еще не река, а поток мелкий, но чрезвычайно быстрый. Там переходят в одном месте по мостику, и у кого лошади, те ведут ее за повод возле мостика в воде, не достигающей лошади и по колено. Но бабú захотел, невзирая на предостережение, переехать реку верхом. Лошадь споткнулась и упала, а он запутался в стремянах и не мог высвободиться. Поток, по рассказам, катил обоих более мили до бассейна водопада, где седок и лошадь, оба, исчезли.

«Неужто так он и остался... прахом?» – часто задаю я себе вопрос, задумываясь над прошлым. И тотчас же я припоминаю тесно связанный с этой безответной загадкой смерти, неразрешенною еще нашими европейскими мыслителями, спор между Нараяном и бабú и ответы Такура на наши вопросы. Этот спор завязался у них всего несколько дней после памятного для меня проведенного в Диге дня.

Передам этот замечательный разговор *in extenso*⁸, надеясь, что для серьезного читателя он будет интересен, не потому, конечно, что он решил долго мучившие меня лично вопросы, но потому, что он объясняет своеобразный взгляд вѣдантин (вѣдантин) на загробную жизнь, ее тайны и вообще на душу человека.

Для вящего уяснения позволяю себе сказать несколько предварительных слов и тем сделать последующий разговор более понятным для читателя. Иначе не знакомому с философией вѣдантин (тайной школы) и особенно с их сложною теорией души и ее значения в вечности, было бы весьма трудно уследить за всеми этими столь разнообразными названиями «духовного человека». Они бесчисленны, как и имена их масок-богов, потому что каждый *аспект* души (или скорее того совокупного духовного *агрегата*, который зовется у вѣдантин *настоящим* человеком, или «духовною личностью», тогда как его брненное тело, или *земная* личность, считается *иллюзией*), каждое качественное видоизменение души имеет свое особенное, характеристическое название. Например, они делят «земную личность» на три главные группы: духа, души и тела, а затем подразделяют эти группы на семь составных сил, или принципов, из коих первые две, дух и «божественная душа» (седалище духа), безличные и безкачественные *per se*⁹, а пять остальных именуется *коша*, то есть «ножнами», или оболочкой разных духовных и земных качеств человека, стало быть, личные и качественные. Так *маномая*¹⁰ *коша* в буквальном переводе вышло бы: «призрачного понятия ножны», то есть седалище или вместилище чисто земных, а поэтому самому *призрачных* концепций человека. Эта *коша* есть оболочка *понятий его земного разума* в соединении с действиями органов наших пяти чувств, которые, затемняя божественный, чистый разум своими грубыми земными понятиями, превращают, таким образом, всякую истину в *мираж*.

Особенно затруднительна эта теория для тех, кто, признавая сотворение отдельной души для каждого человека и отвергая теорию его многочисленных реинкарнаций, тем самым отвергают «эманации», то есть самую суть пантеистического учения Индии. Читая, например, о *седмиричной*¹¹ конституции человека, можно подумать, будто в нас сидят семь отличных одна от другой личностей («семь бесов», по выражению одного русского теософа), которые являются в своем нумерическом порядке будто кожицы в луковице, становясь по мере своего удаления от наружной и самой грубой оболочки, то есть тела, все эфирнее и субъективнее. Но философия Вѣданты ничего подобного не проповедует. Все эти *коши* придуманы ради уяснения ее догмата о полном единстве Парабрама – основания и *субстанции* всей *явленной* вселенной; если же не объяснять эманациями этот догмат зарождения качественной вселенной от безкачественного духа, то догмат этот остался бы совершенно непонятным для самих пантеистов.

Дух един и неразделим; а души человечества представляют несчетное число отдельных единиц. Эти души суть эманации, «духи от духа». Но так как безличная и бескачественная *безусловность* лично проявляться не может, то представляется обратная сторона Парабрама, *Мулапракрити*¹², его совечная сила или энергия, *корень* всего существующего. Неотделимая от Парабрама, она вместе с ним составляет *невидимую вселенную*. То, что отделяется, не есть *Мулапракрити*, но только свет или сияние от «света вселенной», который и есть эманация, превращающаяся в *видимую* вселенную. Но здесь снова является затруднение: где место для *видимой* вселенной? Как поместить что-либо там, где все уже занято, даже и в *безграничном*

Его смерть была, само собою разумеется, приписана «гневу богов!» – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁸ полностью (*лат.*).

⁹ сами по себе (*лат.*).

¹⁰ маномая.

¹¹ семеричной (*устар.*).

¹² *Мулапракрити* – буквально «корень материи», то есть первобытная эссенция вещества. Но так как Парабрам – *Все*, то и этот корень тот же Парабрам. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

пространстве, если фактически это пространство и есть самое Вездесущее, *Сам*? Как, наконец, извлечь качественное вещество из бескачественного духа, то есть из того, что является в нашем представлении *ничем*?

Ведантины решают это затруднение так: *видимая* вселенная есть не что иное, как *призрак* наших чувств, временная иллюзия столь же временных, как и обманчивых, понятий *земного* человека, который и сам есть иллюзия и одна *коша*, или ножны, духовной и поэтому единственной *реальной* личности. Ни видимый мир, ни объективный человек *не существуют* в действительности, ибо все видимое и подлежащее сознанию посредством свидетельства наших пяти чувств есть *самообман*, потому что существует и есть *все* лишь одно – *Сам*.

Но прежде чем превратиться из *реального* «ничто» хотя бы в *призрачное* «нечто», такая трансформация должна происходить постепенно. «Сияние от света» есть все-таки Парабрам бескачественный, стало быть, и неспособный к действию. И вот *тень* – конечно, тоже «призрачная», ибо тени без тела не бывает, а Парабрам бестелесен – начинает в постепенной дифференциальности своего бессознательного действия (*nota bene*¹³ – бессознательного только в нашем условном понятии о самосознании) превращаться из бескачественного и безличного в качественное и личное, то есть сперва в видимые миры, а затем и в человека. Но человек, как и миры, не мог быть сотворен *разом*, даже в той грубой оболочке, которую мы *воображаем* видеть в нем. Он был сформирован и образовался следующим порядком:

Группа I

1. *Брама* или *атман*, луч Парабрама, или дух.
2. *Будди*¹⁴ – его *вахан*, или вместилище, носитель духа; высшая или божественная душа.

(Эта двойственная единица есть *корень* человека, хотя в нашем понятии эта сама по себе *безличная* и *бескачественная* единица является чистой *абстракцией*. Ее личность начинает слагаться и обрисовываться только по прошествии многих воплощений, так как *будди*, чтобы приобрести даже духовные качества, должна, унося их после смерти земной личности, брать их от первого принципа II группы – *манас*).

Группа II

3. *Манас* – седалище ума. В совокупности с *кама-рупой*¹⁵ (см. ниже) это и есть настоящая земная личность, *его* человека или обитаемого ею тела, и зовется *человеческою* или *земною* душой, когда она подразумевается в своей отдельности от *будди*, или «божественной души». В соединении же с *будди* она называется *сутратмой* (нить-душа), так как она одна из этой тройной группы следует, изменяя только свои личные качества, за первую группой во всех ее земных воплощениях.

4. *Кама-рупа* – «седалище желаний». Этот принцип переживает человека, но вместе с

5. *Маяви-рупой*¹⁶, «призрачным телом», или *двойником* личности, исчезает со временем. Эти 4-й и 5-й принципы превращаются после смерти человека в *пизачи* или в тех материализованных «духов», в которых спириты видят *души* своих покойников, а брамины – *бесов*.

Группа III

6. *Джива*, или жизнь; «жизненный принцип».
7. *Штуль-шарира*¹⁷, или тело человека, маска души.

Эта группа есть самая кратковременная из всех «иллюзий», которая и исчезает бесследно после ее разрушения.

---

¹³ обратите внимание (*лат.*).

¹⁴ Будхи.

¹⁵ камарупой.

¹⁶ Майявирупой.

¹⁷ Стхула-шарира.

Таким образом, мы видим, что три группы с их семью разделениями резюмируются все «божественною душой». Безличная и бескачественная единица должна приобретать личность и духовные качества от каждой новой *манас*, т.е. от разумного *ego*, и не в одной, а в бесчисленной серии его воплощений. Прежде, нежели она может успеть сделаться *богоподобною* личностью, достойною соединиться даже временно с *Сат*¹⁸ и перестать быть «иллюзией», она должна пройти все стадии людского страдания, испытать лично все, испытываемое беспомощным человечеством, делать самоличные усилия к очищению себя от земной грязи, извлекая из обитаемых ею личностей только высшие, духовные качества, *если такие имеются*, перегорать, как золото в огне. Всякое новое воплощение есть новый шаг к очищению и совершенству. Все это для того, чтобы в конце веков и все прошлое человечество могло также жить по истине в Боге, как Бог будет жить в будущем (человечестве), «в седьмом», учат вѣдантины *тайной школы*, называя настоящее человечество только *пятым*.

А теперь следующий разговор с Такуром делается понятнее читателю.

– Учитель, – спрашивал Нараян Такура среди горячего спора с бедным бабú, – что́ это он говорит и возможно ли это слушать!.. Чтоб от человека после смерти его ровно ничего не оставалось? Чтоб его тело, как он уверяет, просто разлагалось на свои составные элементы, а то, что́ мы называем душой, а он «временным самосознанием», испарялось, исчезая, как пар из застывшего кипятка?..

– Что́ ж такого в этом странного? Ведь бабú *чарвака*¹⁹ и поэтому говорит лишь то, что́ тебе скажет всякий другой *чарвака*.

– Но ведь *чарваки* врут! Есть и другие, которые верят, что настоящий человек не есть его физическая оболочка, а заключается в его разуме, в седалище его самосознания... А разве может самосознание покинуть душу даже после нашей смерти?

– В *его* случае может, – отвечал также хладнокровно Такур, – потому что *он искренно и твердо верит в то, что́ теперь проповедует*.

Нараян бросил удивленный, полный смятения взгляд на Такура, а бабú, побаивавшийся последнего, окинул нас торжествующею улыбкой.

– Но как же так?.. Ведь Вѣданта учит, что «дух Духа» бессмертен и душа человеческая не умирает в Парабраме... Разве есть исключения?..

– В основных правилах духовного мира исключений не может быть, но есть правила для зрячих и правила для слепых.

– Это я понимаю; но в таком случае, как я ему и сказал, его «полное и окончательное исчезновение самосознания» не более, как aberrация слепого, который, не видя солнца, отрицает его... но узрит его духовными глазами после смерти...

– Ничего он не узрит. Отрицая его при жизни, он не увидит его и за гробом.

Заметив, что Нараян страшно волнуется и что даже мы, оба с полковником, уставились на него в ожидании более определенного ответа, Такур, очевидно, нехотя продолжал:

– Ты говоришь о «духе от Духа», об *атмане*, и смешиваешь дух с душой смертного, то есть с *манас*. Дух, без сомнения, бессмертен, ибо он без начала и, стало быть, без конца. Но речь идет теперь не о духе, а о человеческой, сознающей себя душе; ты ее смешиваешь с первым, а бабú отрицает и то, и другое, как дух, так и душу. Вы оба не понимаете друг друга.

– Его-то я понимаю, но...

– Не понимаешь меня?.. Постараюсь высказаться яснее. Вся суть твоего вопроса приводится к следующему: ты желаешь узнать, возможна ли, даже в случае закоренелого материалиста, полная утрата его самосознания и самочувствия после его смерти? Так что ли?

– Да, потому что он вполне отрицает все то, что́ для нас составляет несомненную истину... во что́ мы все свято веруем...

---

¹⁸ *Сат* – слово почти неперебиваемое на европейские языки. Здесь *Сат* означает *единосущную реальность*, кроме которой все одна иллюзия, самообман. *Сат* есть вечная, безграничная *суть* всего в вечном и безграничном пространстве, где кроме *Сата* нет ничему более места. Словом, *Сат* есть единосущие бескачественного и безусловного духа – *невяленного* божества. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁹ *Чарвака* – секта бенгальских материалистов. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

– Хорошо. На это я, веруя так же свято, как и ты, в наше учение, которое называет посмертный период, то есть промежуточное время между двумя жизнями, лишь *временным* состоянием, отвечаю утвердительно и говорю: один ли год или миллион лет продолжается этот антракт между двумя действиями иллюзии жизни, загробное состояние может безо всякого нарушения правил оказаться совершенно тем состоянием, в каком находится человек во время глубокого обморока. Бабу́, стало быть, *в его случае прав*.

– Но почему же... и как... коль скоро правило бессмертия не допускает, как вы нам говорите, исключений?... – осведомился полковник.

– Не допускает, конечно: *для всего того, что действительно существует*. Тому, кто изучал *Мундакью Упанишад*[у]²⁰ и *Ведантасару*²¹, не следовало бы и спрашивать...

– Но *Мундакья Упанишад*[а] именно и учит, – робко заметил Нараян, – что между *будди*²² и *манас*²³, как между *шиварой* и *праджной*²⁴, на самом деле не более разницы, как *между лесом и его деревьями, между озером и его водами*...

– Совершенно справедливо: потому что одно или даже сотня засохших от потери жизненного сока или вырванных с корнями деревьев не могут помешать лесу оставаться тем же лесом...

– Так... но ведь *будди* представляет в этом сравнении лес, а *манас-тайджаси*²⁵ деревья. А если первая бессмертна, то как же, будучи тем же, что и *будди*, может *манас-тайджаси*²⁶ потерять совершенно сознание до своего нового воплощения?... Это-то и затрудняет меня...

– Напрасно, если ты только возьмешь на себя труд не смешивать абстрактное представление целого с его случайными видоизменениями. Вспомни, что если мы можем, говоря о *будди*, сказать: «Она безусловно бессмертна», то нельзя сказать того же ни о *манас*, ни о *тайджаси*. Ни та, ни другая не существуют отдельно от божественной души, потому что первая есть качественная принадлежность земной личности, а вторая – то же, что и первая, только с отражением в себе *будди*. В свою очередь, *будди* оставалась бы только *безличным* духом без этого в себе элемента, заимствованного ею от человеческой души и который обуславливает и делает из нее нечто *как бы отдельное от Всемирной души* на все время цикла человеческих воплощений. Скажи ты поэтому, что *будди-манас* не может ни умереть, ни потерять сознания ни в вечности, ни во время переходных периодов и тогда, по нашему учению, ты был бы прав. Но применять эту аксиому к ее качествам все равно, как если бы ты настаивал, что так как душа полковника О*** бессмертна, то значит и румянец на его щеках тоже должен быть бессмертным. Выходит, что ты, очевидно, смешал в своих понятиях сущность с явлением; забыл, что в соединении с одною *манас*, или «человеческою» душою, – светозарность самой *тайджаси* делается вопросом времени, так как и бессмертие, и загробное сознание становятся для *земной* личности человека качествами вполне условными, завися от сотворенных ей самою, при жизни ее тела, условий и верований. *Карма* (закон возмездия) действует непрерывно: *и мы пожинаем в мире загробном плоды лишь того, что сами посеяли в этой жизни*.

– Но если мое *ego* может очутиться после разрушения моего тела в состоянии полной бессознательности, то какое же может быть *для меня* в этом наказание за грехи моей жизни? – спросил полковник, задумчиво поглаживая бороду.

---

²⁰ Мундака-упанишада (*санскр.* Muṇḍaka Upaniṣad).

²¹ Веданта-сару.

²² «Божественная душа» человека. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²³ *Манас* как седалище земного рассудка дает мировоззрение, основанное на свидетельствах этого разума, а не духовное прозрение. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁴ *Ишвара* – «коллективное сознание» явленного божества, Брамы; а *праджна* – его индивидуальная мудрость. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Праджня.

²⁵ *Тайджаси* – «светозарная», вследствие связи ее с *будди*; *манас* – озаренная светом «божественной души». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Манас-тайджаси.

²⁶ *Манас-тайджаси* – «светозарный разум», *человеческий* ум, освещенный светом духа; а *будди-манас* – «божественное откровение *plus* <плюс, *англ.*> человеческий разум и самосознание». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

– Наша философия учит, что наказания постигают *ego* только в будущем воплощении, а непосредственно за гробом ожидают нас только награды за понесенные и *незаслуженные* страдания в земной жизни. Все наказание, как видите, *состоит в отсутствии награды, в полной потере сознания своего счастья и покоя*. Карма – дитя земного *ego*, плод действий его всеми видимой личности, *даже помыслений и намерений* духовного *я*; но она также и нежная мать, которая залечивает нанесенные ею в предшедшей жизни раны прежде, чем станет снова бичевать это *ego*, нанося ему новые. Если нет в жизни смертного такого горя или несчастья, которое не было бы плодом и прямым последствием греха в его предшедшем существовании, то зато, не сохранив о том ни малейшего воспоминания в настоящей жизни и чувствуя себя не заслуживающим такой кары и поэтому страдающим *безвинно*, вследствие уже одного этого человеческая душа достойна утешения и полного отдыха и покоя в жизни загробной. Для нашего духовного «я» смерть является всегда избавительницей и другом: безмятежным сном младенца или же сном, полным блаженных грез и сновидений.

– Но сколько мне помнится, периодические воплощения *сутратмы*²⁷ уподобляются в *Упанишаде* земной жизни, проходящей поочередно между сном и бдением... Так ли это? – спросила я, желая возобновить первый вопрос Нараяна.

– Так; это сравнение очень верное.

– Не сомневаюсь; только я его плохо понимаю. После сна для человека начинается другой день, но человек душой, как и телом, – все тот же самый, что был и накануне, тогда как при каждом новом воплощении меняются не только его наружная оболочка, пол и самая личность, но, по-видимому, и все его духовные качества... Да и как же это сравнение может быть верным ввиду того, что люди, восстав от сна, хорошо помнят не только то, что они делали вчера, но и за многие дни, месяцы и даже годы назад, а между тем в своей настоящей жизни они не сохраняют ни малейшего воспоминания о какой-либо прошлой своей жизни... Ведь проснувшийся человек может, пожалуй, забыть то, что он видел во сне, но он все-таки знает, что он спал и что во время сна он жил... О прошлой же жизни мы даже и этого не знаем. Как же так?

– Есть такие, быть может, что и знают, – как-то загадочно произнес Такур, не отвечая на прямой вопрос.

– Подозреваю... только *не мы*, грешные. Поэтому как же нам, не достигшим еще до *самма-самбудди*²⁸, понимать это сравнение?

– Изучая его и поняв правильнее характеристику и три рода того, что мы называем сном.

– Ну, это довольно трудно. Даже наши величайшие физиологи только запутались на этом вопросе, а провалившись в объяснениях сами, запутали нас еще более, – засмеялся полковник.

– Потому что взялись не за свое дело, а за обязанность психологов, которых у вас в Европе вовсе нет, по крайней мере, между учеными. Западные психиатры те же физиологи, только под другим названием, и действуют на основании принципов еще более материалистичных. Прочтите хоть Моудзле (*Maudsley*)²⁹ и вы увидите, что они лечат от душевных болезней, не веря в существование самой души.

– Но мы снова удаляемся от предмета наших расспросов, который вы как будто не желаете нам выяснить, Такур-саиб... Вы точно подтверждаете и одобряете теории бабú, а ведь он именно на том основании, что мы ничего не знаем ни о нашей прошлой земной, ни о посмертной жизни и желает доказать, что за гробом нет и не может оставаться какого-либо сознания...

---

²⁷ В *Веданте* будди в своем совокуплении с духовными качествами, сознанием и понятием тех личностей, в которых она воплощалась, – в *Веданте* называется *сутратмой*, что буквально значит «нить-душа»; потому что как перлы на витке, так целый длинный ряд жизней человеческих нанизывается на эту нить. *Манас* должна сделаться *тайджаси* (светозарною), дабы в соединении с *сутратмой*, так сказать, висая на ней, как жемчужина на нитке, достигнуть и *прозреть* себя в вечности. Но часто вследствие греха и ассоциации с чисто земным разумом и самая эта светозарность исчезает. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

²⁸ Познание прошлых своих инкарнаций. Одни йоги и адепты тайных наук достигают-де посредством величайших аскетических подвигов такого полного прозрения *всего* своего прошлого. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Самма-самбудха (*санскр.* sammā-sambuddha).

²⁹ Генри Модсли (1835–1918) – английский психиатр и философ-позитивист.

– Говорю снова: бабú – *чарвака*, который и повторяет то, чему его учили. Я подтверждаю и одобряю не самую систему материалистов, но только правильность воззрений самого бабú в том, что касается его личного загробного состояния.

– Выходит поэтому, что такие, как бабú, должны составлять исключение из общего правила?

– Нисколько. Сон есть общее и неизменное правило как для человека, так и для всякой земной твари. Но есть разные сны и еще более разные сновидения...

– Но он отрицает не одно сознание в посмертной жизни и в ее сновидениях, говоря языком *Ведантасары*. Он отвергает бессмертную жизнь вообще, как и бессмертие собственного духа.

– В первом случае он поступает совершенно по канонам европейской современной науки, основанной на свидетельстве наших пяти чувств. В этом он грешен только пред теми, кто не разделяет его мнений. Во втором случае он не менее прав: без предварительного внутреннего сознания и веры в бессмертие души ей не сделаться *будди-тайджаси*³⁰; она останется *манас*; а для одной *манас* бессмертия быть не может. *Дабы жить жизнью сознательною в загробном мире, следует сперва уверовать в тот мир в земной жизни*. На этих двух афоризмах тайной науки построена вся наша философия о посмертном сознании, как и о бессмертии души. *Сутратма* получает всегда по своим заслугам. По разрушении тела для нее начинается либо период полного бдения, либо сон хаотический, либо непробудный сон без грез и сновидений. Если ваши физиологи нашли причинность снов и грез в бессознательной заготовке их во время бдения: почему то же самое не признать и по отношению к *посмертным* сновидениям? Повторяю то, чему учит *Ведантасара*: *смерть есть сон*. После смерти пред духовными глазами души начинается представление по заученной нами при жизни, а часто нами же самими сочиненной программе: практическое исполнение наших или *правильных* верований, или же созданных нами самими иллюзий. То посмертные плоды древа жизни. Понятно, что вера или безверие в факт сознательного бессмертия не могут повлиять на безусловную действительность самого факта, коль скоро он существует. Но как вера, так и безверие в него отдельных личностей не могут не обусловить действий этого факта в его применении к каждому в частности. Теперь, надеюсь, вы поняли?

– Начинаю понимать. Материалисты, не веря ни во что, не проверяемое их пятью чувствами и так называемым *научным* разумом, и отвергая всякое духовное проявление, указывают на земную жизнь как на единственное сознательное существование; поэтому по вере, а в их случае по *безверию*, и воздается им позднее. Они утратят свое личное «я», заснут бессознательным сном до нового пробуждения. Не так ли?

– Почти так. Можете добавить, что *ведантины*, признавая два рода сознательных существований, земное и духовное, указывают только на последнее как на *неопровержимую* действительность; земная же жизнь вследствие ее изменчивости и кратковременности одна иллюзия обманчивых чувств. Жизнь наша в сферах духовных уж по тому одному должна признаваться действительностью, что в них живет никогда не меняющееся наше бесконечное и бессмертное «я», *сутратма*, тогда как при каждом новом его воплощении оно одевается в совершенно отличную от предшедшей личность временную, преходящую, в которой все, кроме ее духовного прототипа, обречено на бесследное разрушение.

– Но позвольте, Такур, разве личность, мое земное, сознательное «я», может погибнуть не только временно, как в случае материалистов, *но даже бесследно*?

– По нашему учению, оно даже *должно* так погибнуть и во всей своей полноте, кроме того в ней начала, которое, соединясь с *будди*, стало чисто духовным, составляя с нею впредь и навеки одно несокрушимое целое. Но в случае завязанного материалиста может случиться, что так как ни сознательно, ни бессознательно равно ничего из его личного «я» никогда не отражалось в *будди*,

---

³⁰ То есть без полной ассимиляции с *божественною* душой *земной* душе, или *манас*, – не жить в вечности сознательною жизнью. Она делается *будди-тайджаси* (или *будди-манас*), когда ее стремления влекут ее при жизни от земного к миру духовному. Тогда упитанная эссенцией и проникнутая светом своей божественной души, *манас* исчезает в *будди*, делается *ею самою*, сохраняя одно лишь духовное сознание о своей земной личности. Иначе как *манас*, – то есть *человеческое* мнение, основанное на свидетельстве только физических чувств, – земная или личная наша душа впадает, так сказать, в непробудный сон без грез и без сознания до нового воплощения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

то ей и не приходится уносить в вечность ни одного атома этой земной личности. Ваше духовное «я» бессмертно; но от вашей настоящей личности оно унесет с собою лишь *то, что заслуживает бессмертия*, то есть один аромат скошенного смертью цветка.

– Ну, а сам цветок или земное «я»?

– Сам цветок, как и все прошлые и будущие цветки, которые цвели и будут цвести после них на родной ветке, *сутратме*, дети одного корня *будди*, обратятся в прах. Ваше настоящее *я* не есть, как вам самой должно быть известно, сидящее предо мною ваше *тело*³¹, ни ваша *манас-сутратма*, а *сутратма-будди*.

– Но это не разъясняет мне, почему вы называете загробную жизнь бессмертной, бесконечной, действительной, а жизнь земную зовете *призраком*? Ведь по вашему учению выходит, что и загробная жизнь имеет свои пределы, что и она, хотя продолжительнее земной жизни, но все же должна иметь свой конец?..

– Без сомнения. Духовное *ego* человека движется в вечности как маятник между часами жизни и смерти. Но если эти часы, периоды жизни земной и жизни загробной, ограничены в своем продолжении, и даже самое число таких этапов в вечности, между сном и бдением, иллюзией и действительностью, имеет свое начало, как и свой конец, то сам *духовный* странник вечен. Поэтому и часы его загробной жизни, когда разоблаченный он стоит лицом к лицу с истиной, а не с миражами его преходящих земных существований во время периода его скитальчества, который у нас зовется «циклом рождений», составляют в наших воззрениях *единственную действительность*. Такие перерывы, невзирая на их конечность, не только не мешают *сутратме*, постоянно совершенствуясь, следовать все время неуклонно, хотя постепенно и медленно, по пути к ее последней трансформации, когда она, достигнув цели, становится «божественным» существом; они не только содействуют достижению этой цели, но без таких конечных перерывов *сутратме-будди* никогда бы и не достигнуть ее. *Сутратма* – актер, а ее многие и разнохарактерные воплощения – роли его. Не назовете же вы, я полагаю, эти роли, а тем менее их костюмы, личностью самого актера? Как и он, душа принуждена играть во время цикла рождений и до достижения самого преддверия *паранирваны*³² много таких часто неприятных для нее ролей; но как пчела собирает с каждого цветка его мед, оставляя остальное на пищу земным червям, так и наша духовная личность, *сутратма*, собирая один нектар душевных качеств и самознания каждой земной личности, в которую *карма* принуждает ее воплощаться, сливает, наконец, все эти качества воедино, являясь тогда существом совершенным, *дьян-чоханом*³³. Тем хуже для земных личностей, с которых ей не пришлось что-либо собрать. Такие личности, конечно, не переживают *сознательно* своего земного существования³⁴.

---

³¹ Вѣдантинны чувствуют такое полное презрение к физической оболочке, что говоря о чисто механических действиях тела, они не употребляют местоимения *я* и говорят: «Это тело ходило, эти руки делали» и т.д. Лишь когда речь идет об умственных действиях, они заявляют о себе: «Я думал, я желал» и т.д. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

³² Между *нирваной* и *паранирваной* есть большая разница. *Нирвана* – та духовная жизнь, которою живет каждая личная душа *сутратмы* (кроме душ материалистов, как видно), то есть душа А. или душа Б. после каждого своего разоблачения, и которая ей присуждается законом возмездия (*кармой*) за ее личные земные страдания. *Паранирвана* же – то блаженное состояние, которое ожидает *сутратму* в ее полном составе, то есть в совокупности всех личных душ, нанизанных на этой *нити*. «Душа» – неправильное выражение, но я его употребляю за неимением у нас термина более подходящего: следовало бы сказать не «личных душ», а «одних *ароматов* личных душ», по выражению Такура. Ибо по «разрушению мира» (*пралайи*) все эти «ароматы», слившись в одно целое, образуют единого «божественного человека», который и *живет в Парабраме* – вечно, тогда как каждая душа отдельно взятой личности живет только в луче божества, в *атма-будди*, временно. Между *нирваной* и *паранирваной* аналогическая разница, как между состоянием души *до* и *после* дня Страшного Суда. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

³³ *Дьян-чохан, esprit planétaire* <планетарный дух, фр.>, «от Парабрама исходящий и в Парабраму вновь уходящий» после жизненного цикла. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Дхиан-Коган (*англ. Dhian Chohan*).

³⁴ Философия *тайной* Вѣданты не верит в ад и не допускает наказания за земные грехи в духовном мире. Человек-де родится беспомощным, игрушкой внешних, не зависящих от него обстоятельств, хотя он и одарен свободным произволом. Он столько страдает безвинно в этом мире, что бесконечное милосердие даст ему полный отдых в мире теней; и только затем уже, в следующей земной жизни и в новом воплощении, он понесет должное наказание за грехи в предшедшей своей *роли*. Выбор всякой такой последующей жизни и наказание определяются и приводятся в исполнение *кармой*, «законом возмездия». Это-де доказывается тем, что на нашей земле постоянно страдают, по-видимому, ни в чем неповинные люди. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

– Стало быть, бессмертие для земной личности все-таки условный вопрос? И самое бессмертие *не* безусловно?..

– Нисколько; оно только не простирается на *несуществующее*. Для всего того, что существует как *Сат* или исходит от *Сата*, бессмертие, как и бесконечность, безусловны. *Мулапракрити* – оборотная сторона Парабрама, но оба одно и то же. Суть этого *всего*, то есть дух, сила, материя, бесконечна, как и безначальна, но форма, приобретаемая этим тройным единством во время воплощений, внешность, есть, конечно, только одна иллюзия личных концепций. Поэтому мы и назвали одну загробную жизнь *действительной*, а земную, со включением в ней самой земной личности, называем *призрачной*.

– Но зачем же в таком случае называть реальность сном, а призрак – бдением?

– Сравнение сделано для облегчения нам представления; с точки зрения земных понятий оно весьма верное.

– Затем, если загробная жизнь основана на справедливости, на заслуженном воздаянии за всю земную скорбь, а *сутратма* пользуется малейшим проблеском духовных качеств в каждом из своих воплощений, то как же можно допустить, чтобы духовная личность в нашем бабú, – он ушел и мы можем говорить о нем не стесняясь, – чтобы личность в этом мальчике, столь идеально честном, благородном, бесконечно добром, невзирая на все его безверие, – чтоб эта личность, говорю я, не перешла в бессмертие, а погибла как «навоз от цветка»!

– Кто же, кроме его самого, когда обрекал его на такую судьбу? Я знаю бабú с малых лет и вполне уверен, что жатва с него *сутратмой* будет обильная; хотя его безверие и материализм далеко не напускные, но все-таки умереть навеки и в полноте своей личности *он не может*.

– Но вы же, Такур, сейчас только подтверждали правильность его воззрений на его личное состояние за гробом?.. А его воззрения те – что у него улетучится после смерти *всякое сознание*...

– Подтверждал и снова подтверждаю. Можно проспать несколько станций на железной дороге и все-таки, не сохранив об *этих* ни малейшего сознания, проснуться на следующей и достичь цели путешествия уже в сознательном состоянии. Вы нападаете на сравнение между сном и смертью? Так вспомните же, что даже человеку известны три рода сна: непробудно-крепкий без малейшего сновидения; сон с хаотическими, неопределенными сновидениями; наконец, со снами столь живыми и ясными, что для спящего они делаются на время полною действительностью... Почему же в таком случае вы не можете допустить, что так бывает и с освобожденною от тела душой? По разлуке с ним для нее начинается, смотря по ее заслугам, а главное, *ее вере*, жизнь либо вполне сознательная, либо полусознательная, или же она впадает в тот непробудный сон без грез, как и без сознания, который равняется состоянию *небытия*. Это есть исполнение «программы», о которой я говорил, сочиненной и заготовленной заранее для себя материалистами. Но материалист материалисту рознь. Человек злой или даже просто большой эгоист, прибавляющий к своему полному безверию равнодушие ко всему миру, должен непременно оставить у преддверия смерти свою личность навеки. Ей нечем зацепиться за ее *сутратму*, и с последним вздохом ее обрывается между ними всякая связь. Но такие, как бабú, проспят только одну «станцию». Придет время, когда и он сознает себя снова в вечности и раскается, что потерял даже *один день*³⁵ из жизни вечной.

– Но вернее ли все-таки сказать, что смерть есть рождение к новой жизни или, еще лучше, возвращение в вечность?

– На деле оно так и есть и я ничего не имею против перефразировки. Но только с нашими условными понятиями о материальной жизни слова «жить» и «существовать» неприменимы к чисто субъективному состоянию посмертного бытия, и если б они употреблялись в нашей философии без твердого знания всех ее объяснений, то вѣдантинь весьма скоро пришли бы к

---

³⁵ В ответ на часто получаемое вѣдантинами замечание, что сотни и тысячи таких прожитых *сутратмой*, или *ego* человека, земных жизней все-таки равняются как бы вместо бессмертия полному исчезновению каждой личности, они обыкновенно отвечают: «Возьмите для сравнения с вечностью жизнь человека на земле, жизнь, составленную из стольких-то дней, недель, месяцев и лет. Если эта личность сохранила в старости хорошую память, то она может легко вспомнить все выдающиеся в ее прошлой жизни дни и годы. Но и забыв некоторые из них, разве она не остается все одною и тою же личностью? Так и для божественного *Ego* при конце цикла воплощений. Для него каждая отдельная жизнь будет тем же, что каждый отдельный день в жизни человека». – *Примечание Е.П.Блаватской*.

странным идеям, которые преобладают в наше время между американскими спиритами, проповедующими о вступающих в брак «духах» как между собою, так и со смертными... Как и у истинных, а не номинальных христиан, загробная жизнь вѣдантингов есть та страна, где нет ни слез, ни воздыханий, где ни посягают, ни женятся... Поэтому и вследствие того, что жизнь разоблаченной души, обладая всею живостью реальности, как в иных сновидениях, не имеет ни одной из грубо объективных форм земной жизни, пригодных только для телесных чувств, наши философы и сравнили ее с грезами во время сна. А теперь я, кажется, все объяснил...

Мы разошлись, но этот разговор запал мне в душу и я его никогда не забывала³⁶. В тот день я чуть не поссорилась с бабú за его *чарвакские* выходки; но в этом бенгальце, невзирая на все его добрые качества, недоставало какой-то струны... И я решила предоставить его собственной участи. Однако часто, – как часто! – после его ранней смерти я сожалела о своем равнодушии...

Едва мы кончили обед в беседке, как нам доложили, что какой-то молодой человек в одежде йоги, присланный «Такур-саибом», просит позволения видетсья с нами. При имени Такура полковник, осведомлявшийся уже несколько раз о своем *гуру* (учителе), но не получивший никакого удовлетворительного ответа от Нараяна, поспешно вскочил из-за стола.

– Пусть, пусть он войдет! – засуетился он в восторге. – Я уверен, что это его *челла*, которого он обещал выслать по приезде домой собственно для моего специального обучения в *пранаяме*³⁷...

– Что ж вы тотчас после обеда думаете взять первый урок?.. – осведомилась я.

– Конечно, если только *челла* будет согласен... Зачем терять дорогое время?

– Но ведь с вами еще чего доброго сделается удар на полный желудок... Вы просто сходите с ума с вашею страстью к *иогизму*. Помните, что я вам говорила... предостерегая вас на станции возле Бэртпура...

– Помню, помню, – обиженно проговорил наш президент. – Я хорошо понимаю и давно сознаю, что вам почему-то не хочется, чтоб я изучал таинства древней Индии...

– Да какие же это таинства? Просто фокусы и для вас они совсем лишние и даже опасные...

– Буду надеяться, что Такур не питает каких-либо вредных замыслов против моей жизни, ни даже против... моего здоровья, – получила я сухой ответ.

Я махнула рукой.

– Полковник, – тихо позвал его Мульджи. – Мам-сааб права... *Пранаяме* учатся с самой ранней молодости и...

Но он не успел кончить, а нахмуренное лицо полковника прояснилось улыбкой блаженства: пред ним стоял, неслышно проскользнув босыми ногами по мостику и в темноте, посланный Такура...

Он вдруг воспрянул пред нами, словно вырос из-под мраморного пола киоска; весь облитый дрожащим, сильно колеблющимся от ветерка светом восковых свеч, он стоял у входа, неподвижный, опустив глаза и со сложенными на груди руками. Длинные фантастические тени скользили по его белой одежде и лицу, придавая его маленькой, тонкой, почти прозрачной по худобе фигурке что-то странное и неземное в ее очертаниях.

– *Сарва бхишта ммундаха!*.. (Да исполнятся все ваши желания!), – прозвучал его тихий, нежный, как у девушки, голосок на тамильском языке.

Мы все отвечали на его приветствие, кто как знал и умел. Мульджи и Нараян бормоча что-то по-санскритски (должно быть, формулу), закрывая ладонями уши и оба низко кланяясь; бабú оскалая зубы и со сложенными вместе ладонями; я пробормотав сквозь зубы обыкновенное приветствие по-английски.

Зато полковник отличился, удивив присутствующих вообще, а меня насмешив к тому же несказанно.

Он согнулся в три погибели и, заложив уши ладонями по примеру двух индусов, вдруг распластался пред смиренно стоявшим перед ним юношей и почти уткнулся носом в его голые ноги...

---

³⁶ «Этот разговор» изложен также в книге Е.П.Блаватской «Ключ к теософии» (глава IX «О кама-локе и дэвачане»).

³⁷ Первоначальный метод обучения кандидатов в йоги. Процесс состоит в том, чтобы постепенно приучаться не дышать, произнося известные мантры. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Мы все бросились к нему, думая, что он поскользнулся, слишком низко кланяясь, и упал. Но он вскочил на ноги также проворно и, приветствуя посла еще раз, проговорив «салам» и прикасаясь правой рукой ко лбу, приглашал его левою к скамье у стола со всевозможными знаками подобострастного уважения, словно у него дело шло о приеме принца крови.

– Чтò вы такое творите, полковник? – сказала я ему тихо по-французски. – Ведь он подумает, что вы смеетесь над ним.

– Ради Бога, ни слова! Я его узнал... хотя Такур только намекал мне про него... Он не простой *челла*, не ученик, а адепт «Братства Роши»³⁸... Вы слышали, он приветствовал нас на тамильском наречии?... – прошептал в ответ полковник тоже по-французски.

– Так чтò ж это доказывает? Он...

– Извините меня, *madame et monsieur*³⁹... что я вас прерываю... Но я говорю по-французски, я родом из Пондишери⁴⁰, – вдруг огорошил нас на языке Виктора Гюго⁴¹ новоприбывший тем же тихим, нежным голоском, в котором не слышалось ни малейшей нотки насмешки, столь понятной бы в его случае.

Я не выдержала и расхохоталась на весь сад; но полковник почему-то рассердился, хотя и скрыл довольно ловко неприятную конфузию.

– А... вы из Пондишери? Очень, очень рад; значит нам будет легче объясняться... А я уже было боялся, что мы не пойдем друг друга...

– Я говорю и по-английски, – прозвучал тот же голос.

– Превосходно! – воскликнул полковник, и тут же и столь же внезапно он, видимо, утрачивал кое-что из своего благоговения пред таким обширным светским образованием в ущерб, как он полагал, наукам мистическим. – Превосходно! Садитесь же сюда к столу и познакомимся... Вы к нам от Такур-саиба?..

– Да; это он послал меня к вам...

– Вы его *челла*?.. Ах да, извините меня, между прочим, что я принял вас за одного из Братства Роши... Я полагал...

И не высказав, чтò именно он полагал, полковник весело, хотя немного и принужденно, рассмеялся.

– Вы не должны извиняться, потому что вы угадали верно... Я действительно принадлежу к этому Братству.

Мне сделалось положительно жаль полковника, до такой степени он растерялся при этом новом поражении. Широко раскрыв под очками зрачки, не сводя глаз с лица юноши, бедный президент смотрел на него таким растерянным взглядом, как будто видел пред собою выходца с того света. Смотрела и я на него с величайшим любопытством, а за мной и два индуса: Мульджи и бабú. Один Нараян сидел, грустно поникнув головой, и, казалось, смотрел лишь *в самого себя*, не замечая ничего и никого.

– Вы... вы один из этих удивительных адептов... Вы *садду*?.. Я так и знал... Я это предчувствовал!..

– *Oh my prophetic soul!*⁴² – тихо продекламировал бабú из *Гамлета*.

– Пока только кандидат в оные: скромный *ишишия*⁴³ к вашим услугам, полковник-саиб, которому Такур-саиб поручил ваше предварительное воспитание, если позволите.

Незнакомец говорил тихо, серьезно и с большим достоинством. Ни малейшей улыбки на его юношеском, почти детском лице без малейшего следа бороды и с еле заметным пушком на

---

³⁸ *Brotherhood of the Grove* – известное, хотя тайное общество мистиков в Мадрасском президентстве. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Е.П.Блаватская наперевалась опубликовать в журнале «Русское обозрение» статью о «братствах Роши» (Современные Йоги)» (см.: Письмо Е.П.Блаватской к Д.Н.Цертелеву. Сентябрь 1890 г. // *Блаватская Е.П.* Статьи в русской прессе. Донецк, 2013. С. 209; см. также: <http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html>).

³⁹ мадам и местье (*фр.*).

⁴⁰ Пондишери – французская колония (1674–1954) на юго-восточном побережье Индии.

⁴¹ Виктор Гюго (1802–1885) – французский писатель, поэт, прозаик, драматург.

⁴² О вещая моя душа! (*англ.*).

⁴³ *Ученик* высшего класса, студент «тайных наук», прошедший все искусства кроме последнего, делающего из него *садду*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

верхней губе. На вид ему казалось не более шестнадцати лет. Только вглядываясь пристальнее в его замечательное лицо несомненно дравидского типа, можно было заметить на нем признаки возмужалости. Он сидел у стола, и теперь на него падал яркий свет лампы, позволявший мне рассмотреть вернее его черты. Он был еще ниже ростом и вообще еще миниатюрнее нашего маленького бабу. Его крошечные, как у десятилетней девочки, ручки лежали на столе, напоминая мне свою атласистою кожей и цветом красивые бронзовые руки на пресс-папье. Овальное, поражающее своею худобой и нежностью лицо с маленьким прямым носом, маленьким с тонкими губами ртом и неестественно огромными глазами и бровями, черными, словно он их намазал дегтем; все это осененное львиною гривой, вьющиеся волны которой падали в беспорядке на его уши, лоб и плечи. Костюм его состоял, как и у нашего бабу в знойные дни, из нескольких аршин тончайшей белой кисеи, из-под которой виднелись угловатые очертания его изможденного остова. Две глубокие морщинки между бровей, такие же складки у углов рта и глаз красноречиво опровергали первое впечатление юности. Позднее мы узнали, что ему далеко за тридцать лет.

Он сидел не двигаясь, как бы почтительно ожидая вопросов, и вперив спокойный, ничего не выражающий взор в полковника. Если бы не легкое колыхание его ожерелья из семян *рудракиши*⁴⁴, его можно было бы принять за каменное изваяние, так мертвенно и неподвижно было его лицо.

Последовало очень неловкое молчание. Сконфуженный трижды подряд полковник поправлял очки, снимал, протирал и снова седлал ими нос, не произнося ни слова и забывая при этом известии не только изъявить радость, но даже поблагодарить новоприбывшего за принимаемые им на себя обязанности «предварительного воспитания».

«И в чем это *воспитание* будет состоять? – думалось мне, – он только насмешит весь народ!..»

– Я имею к вам письмо от Такура-раджи и маленький подарок, – прервал молчание посланный.

Запустив руку под кисею, он извлек из ее широких складок сперва запечатанный конверт, а затем коробочку, и положил оба предмета пред полковником. При виде их наш президент, наконец, встрепенулся и тут же вошел опять в свою колею.

– А!.. Весьма, весьма благодарен вам... мой *гуру*!.. – отвечал полковник с веселою улыбкой. – Вы позволяете?.. – указывая на письмо.

Гуру (учитель) сделал легкий поклон и жест одобрения, которые принесли бы честь любому маркизу парижской гостиной, до того оба были запечатлены достоинством и грацией.

Письмо было распечатано и, прочтенное сперва про себя, затем сообщено всем нам громко. Оно было коротко, но содержало интересные для всех нас известия.

«Посылаю вам, любезный полковник, – писал Такур, – обещанного мною инструктора в интересующих вас науках. Субраманья-Мурга-Анандам-Суами – для сокращения называйте его Анандой-Суами – молод, но он уже достиг предпоследней ступени, ведущей во внутренний храм

---

⁴⁴ *Рудракиша* – семя или, скорее, косточка плода на дереве, которое растет только в Гималаях и Нильгири, преимущественно в Непале. Ожерелье или четки из оного – самая ценная, как и самая трудно приобретаемая вещь в Индии. Туземцы взирают на *рудракишу* как на нечто священное, и одни *йоги* имеют право носить их на шее или даже прикасаться к этому семени вследствие необычайных приписываемых ему магических свойств. *Рудракиша* – двойное слово и значит: «око Рудры» (*Рудра* – одно из имен Шивы), и одни *триглазые* адепты тайной науки, те, которые выработали себе годами аскетизма «третье око» Шивы (другими словами, ясновидение и дар прорицания, символом коих служит *рудракиша*), знакомы со всеми этими свойствами. Целые тома на санскритском и тамильском языках посвящены описаниям этого талисмана, инструкциям, как распознавать годные от негодных семян, и т.д. Магические свойства *рудракиши* зависят от возраста дерева, от почвы, от окружающего это дерево леса и даже от *личных качеств* того, кто собирает плоды. «Человеку порочному – *рудракиша* принесет-де не пользу, а вред». Весьма немногие деревья этой породы приносят плоды, а из приносящих более 90% не годятся для должного употребления: или плоды опадают до созревания, или же перезревают; самые пригодные те, которые, будучи растерты на пробном камне, оставляют на нем золотую пыль: принцы и раджи Индии платят за них сумасшедшие деньги, от 1000 до 5000 рупий за каждое семя; а считающихся за лучшие, с одним *мукхам* (надрезом) или *индентацией* на косточке, не купить и за 10000 рупий. Такие *рудракиши* находятся лишь на нескольких деревьях в Непале и то по одной или по две на дереве в несколько лет. Недозрелые – красные, коричневые, серые и желтые – семена ничего не стоят: одни *черные* драгоценны. Махараджа непальский заплатил 10 лакков (1 миллион рупий) за полдюжины таких *настоящих* семян. Величиной они с маленький орех и шероховатые, как косточка персика. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Индентация (*англ.* indentation) – вмятина, выемка, вдавливание.

гуптавидьи. Он член Братства Роши, стало быть, вполне знакомый со всеми приемами различных систем, как они практикуются тою или другою сектой. Не быв индусом, вам нельзя, конечно, следовать ни одному из специальных методов, усвоенных сектами, но вам предоставится выбор из учений лучших школ, и таким образом вы будете в состоянии выучиться многому... Сожалею искренно, что даже в случае вашей полной победы над *искусами* вы не можете все-таки принадлежать к нашему *ашраму*⁴⁵: вы были женаты, отцом семейства и светским человеком – три непреодолимые препятствия к *радж-иогизму*...»

На этой фразе полковник слегка запнулся и на секунду его голос оборвался и задрожал. Как эхо раздался в далеком углу еле слышный, но полный сердечной муки вздох, скорее похожий на стон... Быстро взглянув в ту сторону, я увидела исчезающую в темноте высокую фигуру на мостике...

«Бедный Нараян!» – вздохнула я про себя, прося полковника продолжать чтение. Никто не обратил внимания на этот вызванный страданием звук; никто – кроме, как мне показалось, новоприбывшего. Тяжелые веки медленно приподнялись и из-под густой бахромы ресниц сверкнул устремленный на мостик взгляд. Загадочное выражение этих глубоких, темных, как ночь, глаз поразило меня так сильно, что, мысленно рассуждая о его значении, я не расслышала⁴⁶ окончания письма Такура и должна была попросить полковника передать мне его для прочтения.

«...Впрочем, – прочитала я далее, – в случае, если вы выйдете победителем, это не помешает мне считать вас моим *челлоу* в некоторых отношениях. Но не надейтесь когда-либо сделаться *радж-иогом*. Это положительно невозможно.

Завтра с зарей вы все последуете за Анандой-Суами, который и проведет вас мало кому известною и кратчайшею дорогой ко мне. Вследствие известных причин вы отправитесь в ландо махараджи только до ближайшей деревни, откуда оно будет отослано обратно. О поклаже не беспокойтесь: она уже отправлена куда следует из Бэртпура. В деревне вас встретит другой экипаж и отвезет в Шри-Матру⁴⁷, месторождение Кришны. Затем вам придется ехать в лодке, верхом и даже идти пешком по лесам. Для *упазики* найдется паланкин, но и ей, конечно, надо будет сделать *косс*⁴⁸ пятнадцать пешком; передайте ей, чтоб она заранее не отчаивалась: *наши дороги окажутся для нее менее трудными*, чем англо-индийские или европейские пути сообщения; *я позабочусь о том*. Советую вам всем сохранить в тайне ваш визит в наши раджпутские вертепы; *бара-саабам* нет до него дела».

Засим следовало еще несколько строчек инструкций и говорилось о посылке полковнику *салиграма*⁴⁹.

Пока наш президент с жадно бросившимися к коробке индусами благоговейно рассматривает сокровище, опишу этот талисман и все, что мы узнали про его свойства в тот вечер от Ананды-Суами.

Салиграм пользуется такою же славой в Индии, как и *рудракша*; то круглый, иногда овальной формы камень, черный, как смола, и столь же блестящий; величиною от персиковой косточки до гусиного яйца, но достигающий в редких случаях до размера дыни, когда он делается *буквально бесценным*. Впрочем, его ценность зависит более от обладания различными свойствами, нежели от величины и формы. Есть крошечные *салиграммы*, похожие на зерно перца, стоящие целые состояния. Как и всегда бывает, находятся между ними, подобно египетским *скарабеем*, поддельные камни, бессовестные имитации; но *посвященного* брамина никакая подделка не обманет. Впрочем, этот камень по-настоящему вовсе и не камень, а окаменелая раковина...

Настоящие и самые ценные *салиграммы* находятся только в одном месте, во глубине реки Гандака⁵⁰ в Непале, одной из главных данниц священного Гангеса. Это место охраняемо от

---

⁴⁵ Тайный храм, куда вступают одни *посвященные*. Такие существовали прежде во всех пагодах, но теперь их мало. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁴⁶ расслышала.

⁴⁷ Муттру, Матхуру (*англ.* Muttra).

⁴⁸ *Косса* – 1¼ английской мили. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Косс – единица длины в Индии, равная 1,829 км.

⁴⁹ *шалиграма* (*англ.* Shaligram).

⁵⁰ Гандак (*англ.* Gandaki).

искателей салиграма солдатами непальского короля, которые живут на берегах круглый год в казармах, и каждый найденный салиграм посылается в царскую сокровищницу. Их нельзя купить у махараджи ни за какие деньги, но он дает их изредка тем из ученых браминов, к чьим рукам камень пристанет, как пиявка, протянутый к ним на расстоянии нескольких аршин. Этот род искусства удаётся весьма редко; но английский резидент, Годсон⁵¹, присутствовал при таком случае и видел, по рассказам, явление собственными глазами. Совершенно гладкие салиграммы, если только они не имеют других каких-либо признанных качеств, мало ценятся. Некоторые пробуравлены природой вдоль своей оси; другие имеют на себе как бы выдолбленный резцом отпечаток разных фигур, таких, например, как *Сударсан[а]*⁵² или *Чакра*, Колесо Вишну и его орудие. Есть салиграммы с дырой или без оной, но такие, что когда их тщательно распилишь надвое, то внутри гладких стенок являются изображения *матсии* (рыбы) и *курмы* (черепахи) или каких-либо других *аватаров* (воплощений) бога Вишну. Если вдобавок такой *салиграм*, брошенный в сосуд с молоком, вместо того, чтобы пойти ко дну, – свойство каждого честного камня в природе, – начнет плавать кругом сосуда, наподобие рыбы или черепахи, то он и объявляется несомненно подлинным; ему отдаются почести как бы он был сам Вишну.

Бывают такие *салиграммы*, – к числу этих принадлежит обращик, подаренный Такуром президенту, – на коих фигуры представляют Кришну (*аватара* Вишну) под видом *Гопала* (пастуха) со стадом его коров. На нем игра природы достигла своего крайнего искусства: картина казалась словно выдолбленную тончайшим резцом художника, хотя воображению и приходилось играть в созерцании коров некоторую роль⁵³.

Образование таких камней приписывается натуралистами какому-то роду рыб. Рыба-де выбирает камушек, а затем, прижавшись к нему, начинает свивать себе гнездо или раковину, материалы для которой она выпускает, как паук, из собственного организма. Замуровавшись в раковине на некоторое время и почувствовав всю скуку уединения, рыба разбивает раковину и уплывает далее; а камень с раковиной превращаются в *салиграм*. Это я вычитала, впрочем, в *туземной* естественной истории *дравидов*. Насколько объяснение совместно с истиной и западную наукой сказать не берусь.

Полковник несказанно обрадовался такому редкому дару. Он осматривал *салиграм* со всех сторон, любовался им, нянчился с ним. Узнав от Ананды-Суами, что он должен носить его, для вящей действительности его скрытых качеств, на теле, он стал приставать ко мне зашить его немедля в кожаный мешочек с тесемками для привязыванья вокруг пояса. Он притащил иголку, ниток, ножницы. Лишь изрезав пару новых лайковых перчаток, я успела купить этою ценою спокойствие на весь остальной вечер.

Отправляясь далеко за полночь отдохнуть часа два до отъезда, я увидела на ступенях террасы две фигуры. Одна из них сидела, опустив на ладони голову; другая стояла пред ней, скрестив на груди руки. Я узнала Нараяна и Ананду-Суами...

---

⁵¹ Брайан Хьютон Ходжсон (Hodgson, 1800–1894) – английский этнолог, востоковед и натуралист, государственный служащий в Индии и Непале.

⁵² Сударшана (англ. Sudarshana).

⁵³ Мы видели у одного махараджи *салиграммы*, на коих нашли изображения нескольких аватаров, как-то: *Уграха-Карасинхи* – то есть Вишну, раздирающий под видом льва *Хиранья Казиту*, тирана ракшазов; *Кальяна Нарасинга* – Вишну, улыбающийся спасенному им *Прахладу*, и т.д. «Не может это быть природой; это дело черта», – говорил один миссионер. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Угра-Нарасимха (санскр. Nāgasimha), Хираньякашипу (санскр. Hiraṇyakaśipu), Кальяна-Нарасимха.

Угра (санскр.) – ужасающий, Кальяна (санскр.) – благословенный.